

“ Уйду в луга...”

(Заметки о хорошем человеке)

Мартин, как правило, не спорил. Однако свое отношение к такому рода критике однажды выразил так:

Мне язвят знакомые поэты:
“Что, опять кропаешь о селе?”
Я и сам подумывал об этом,
Но, как хлеб увижу на столе,
Хочется скорей туда вернуться,
Где снежок гречиши на полях.
Потому слова из сердца льются
О деревнях, бабах, мужиках!

В 1994 году Мартин после многих лет разлуки в последний раз навестил отчие места. С поездкой в Болотниковский район ему помогли киселевский поэт Николай Кондрашов и Александр и Виктор Георгиевы. В благодарности за участие Мартин посвятил им одно из стихотворений.

Не знаю, как другим, но для меня Николай Мартин - это, прежде всего, певец природы. Ему одинаково хорошо удавались темы осени, пейзажные зарисовки, стихи о животных. Довольно часто в них присутствует человек, будь то лесник, которого “...шустрая белка встречает, из ладони орехи берет”, или бездушный охотник, убивающий живое ради спортивного азарта. Показательно в отношении к “любителям пострелять” такое стихотворение:

С осокой шепчется камыш,
Рассвет на выпочках под елки
Крадет. Вдруг лесную тишь
Разрезал выстрел из двустволки.
Стрелок помедлил у ручья,
В машину сел, нажал педали,
Довольный кучностью ружья,
Умчался вдаль по магистрали.
Ничто его не омрачит
На поворотах неизбежных.
...А утка плакала навзрыд
Среди детей своих убитых.

Вряд ли кто, прочитав эти строки, наполнится симпатией к меткому “стрелку”. А вот боль за содеянное им - ощущается сполна. И ее только усилит мирность пейзажа, которую поэт смог запечатлеть очень по-своему, очеловечив и рассвет, и камыши.

Читатель, не знакомый с Мартиным лично, по прочтении его книг может подумать, что поэт много лет жил в Промышленновском районе. На такую мысль наводит обилие стихов, посвященных деревням и людям той земли. Но - парадокс! - с любимой им промышленновской стороной Мартина если что и связывало, так это переписка с А.Тарасовым, который в разные годы служил в местной газете ответственным секретарем и редактором. Поэт присылал стихи, Тарасов отдавал их в печать.

Переписка сблизила их настолько, что Тарасов откликнулся на приглашения Мартина и приехал к нему в Киселевск на день-два, чтобы поговорить по душам, поиграть на гармошке. Было и ответное движение. В 1984-м в Промышленновском гостил уже сам поэт. На местном ДОЗе прошел его творческий вечер, под занавес которого художницы предприятия подарили ему сервиз, расписанный “под хохлому”. В квартире Мартина он занимал видное место. Хозяин обязательно показывал его новым знакомым.

Темы природы и деревенского быта дали название первому сборнику, изданному восемь лет назад, - “Сельская глубинка”... Потом, с интервалом в два года, вышли вторая и третья книги, в которые Мартин включал новые стихи, а вот название для них не менял. Этим он как бы говорил, что всю жизнь пишет единственную книгу - о Матери-земле. Благодарным человеком. Эта глубинка вывела его в люди - отправила в Москву на 4-годовые курсы режиссеров. Она же приняла его в заведующие сельским клубом. И это перед ней он до конца дней чувствовал себя в долгу:

Умчался поезд в сторону заката.
Над станцией Болотной тишина.
Стою один я, в чем-то виноватый
Перед тобой, родная сторона.

Сибирский поэт Виталий Коржев отметил в предисловии к первому изданию “Сельской глубинки”: “...все, о чем пишет Мартин, не высосано из пальца. Это

- жизнь”.

Как-то, в 1990 году, зашел к Николаю Мартину и застал его в плохом настроении.

- Меня упрекнули в плагиате, - сказал он и поведал, что отправил в Кемерово поэту Михаилу Небогатову стих о девочке, увидевшей по телевизору сцены боев. Кровь, смерть и боль так ее поразили, что она закричала:

- Папа, мама, скорей
Отключите мойну!

Небогатов опубликовал стихотворение в газете “Кузбасс”, а потом услышал его аналог по всесоюзному радио. Его, среди своих новых стихов, читал Владимир С. - литератор, более известный публицистикой о Ленине. Небогатов, понятно, сделал из этого определенный вывод...

Чуть позже Мартин отправил ему письмо, к которому приложил газетную вырезку со все тем же стихом, опубликованным за пять лет до этого в районной газете. И Михаил Небогатов - отдадим ему должное - извинился. Более того: припомнив, что Мартин сообщал о “распыле” своих творений по журналам, в чьи редакции был вход маститый С., он предположил, что тот вполне мог использовать рукопись безвестного сибиряка. Но Мартин уже испытывал антипатию к найденному когда-то образу. В сборник упомянутой строки вошла в таком варианте:

- Мама, папа, скорей

Убежим от войны!

О войне, кстати, поэт написал большой цикл стихов. В их сюжетах нашлось место взятию рейхстага, боям за украинский хутор, возвращению солдат домой. Повествование шло настолько достоверно, было насыщено такой массой реальных деталей, что многие из читающих приходили к выводу: “Мартин - ветеран войны”. Что же до школьников, перед которыми поэт изредка выступал, то они на полном серьезе просили его рассказать о схватках, в коих он, по их мнению, проявил себя как герой.

А герою-то к началу войны едва исполнилось четыре года... Но цепкая детская память сохранила тревогу ожидания с фронта отца, сельчан. На всю жизнь пронес он мальчишечью радость от встреч с земляками-победителями:

На подводе, с ногой деревянной
Он приехал. А мы, пацаны,
Сиганули за теткой Марьяной -
Только пятки босые видны.
Рожь она за околицей жала,
Но, услышав о весте такой,
Пошатнулась, к суслу прижалась
И в слезах повторяла: “Живой!”

А в деревне боец, дядя Миша,
Над походным мешком колдовал
И своих, и чужих ребятишек
Петушками подряд угощал.

Мой знакомый, прочитав этот стих, заметил:

“Как на старое фото поглядел!” - и, сам того не ведая, угадал за таким комплиментом еще одну сторону творческой природы автора.

Мартин был фотохудожник. Еще неизвестно, на что он тратил больше времени: то ли на поэзию, то ли на фотографию. Питерский “Зенит” явился для него, инвалида, как бы проводником в мир людей. С началом теплых дней и вплоть до осенних холодов он, приставив костыли к прилавку, “дежурил” на базарчике Красного Камня. Всяк желающий мог запечатлеть себя для фотоальбома. Антуражем съемок, по выбору клиента, становился “лес” в виде дворовых зарослей или домашний интерьер.

За работу он брал очень мало - два-три меньше, чем брали в ателье, и, как ни странно, лишь выигрывал от этого. Фотосалоны пустовали, а у Мартина в день было до пятнадцати заказов. С учетом того, что клиенты приходили к нему и зимой - на квартиру, - он имел чистой выручки - 1-1,5 тысячи рублей в год. По меркам советской эпохи это было внушительной суммой.

“Фотоденьги” шли в основном на подарки для дочери Маши, а кроме того - откладывались на исполнение заветной

цели. В чем она заключалась, многие узнали в 1991 году с выходом первого издания “Сельской глубинки”. На обороте титульного листа было отпечатано: “Издается за счет средств автора”.

В 1993-м Николай Мартин выпустил вторую книгу “Сельской глубинки”, а к лету 1995-го подготовил рукопись третьей, наиболее полной, однако денег на ее издание набрать уже не мог. Пенсия для расценки тех дней выглядела смешной, заказчиков на фотоснимки почти не осталось, а за “просто так” не выходили сборники даже маститых поэтов. Впору было ждать только чуда. И оно произошло.

Товарищ Мартина, поэт Владимир Кондрашов, побывав у Амана Тулеева, рассказал о киселевском поэте и его проблеме. Выслушав гостя, спикер областного Совета тут же решил вопрос финансирования книги. Для этого он выделил свыше четырех миллионов тогдашних рублей. Причем не из бюджета, который был тощим, а из своего именного фонда.

В знак благодарности Мартин посвятил Тулееву стихотворение “Первый снег”. Началось оно так:

Вот опять свершилось чудо!

Не ошибусь, если назову Мартина самым доступным поэтом города, - в том смысле, что его стихи были понятны буквально всем. Их отличала простота, но отнюдь не простоватость. В каждом ощущалась работа ума, души, любовь к теме, о которой речь.

Он не мог сидеть без дела. Его девизом было: “Живу, торопясь...”, а жизненной программой - стих с такой нетипичной для него философской подоплекой:

Упала с атласа Вселенной
Во мглу далекая звезда.
Горела, падала, мгновенно
И растворилась без следа.
И жизнь таким же метеором,
Но, к сожалению, не на бал,
Летит до станции, которой
Одно название - “Финал”.
Но прежде, чем уйти навечно,
Звездой упавшей сгореть,
Еще до станции конечной
Должны мы многое успеть!

Стихотворение датировано 1989 годом. Жить поэту оставалось только семь лет...

7 марта ему исполнилось бы 62... В этом возрасте многие выходят на вершины карьеры в экономике, политике. Но хорошим поэтам долго не живет: слишком велики морально-духовные затраты, которыми они платят за радость и муки творчества. Мартин исключением не был...

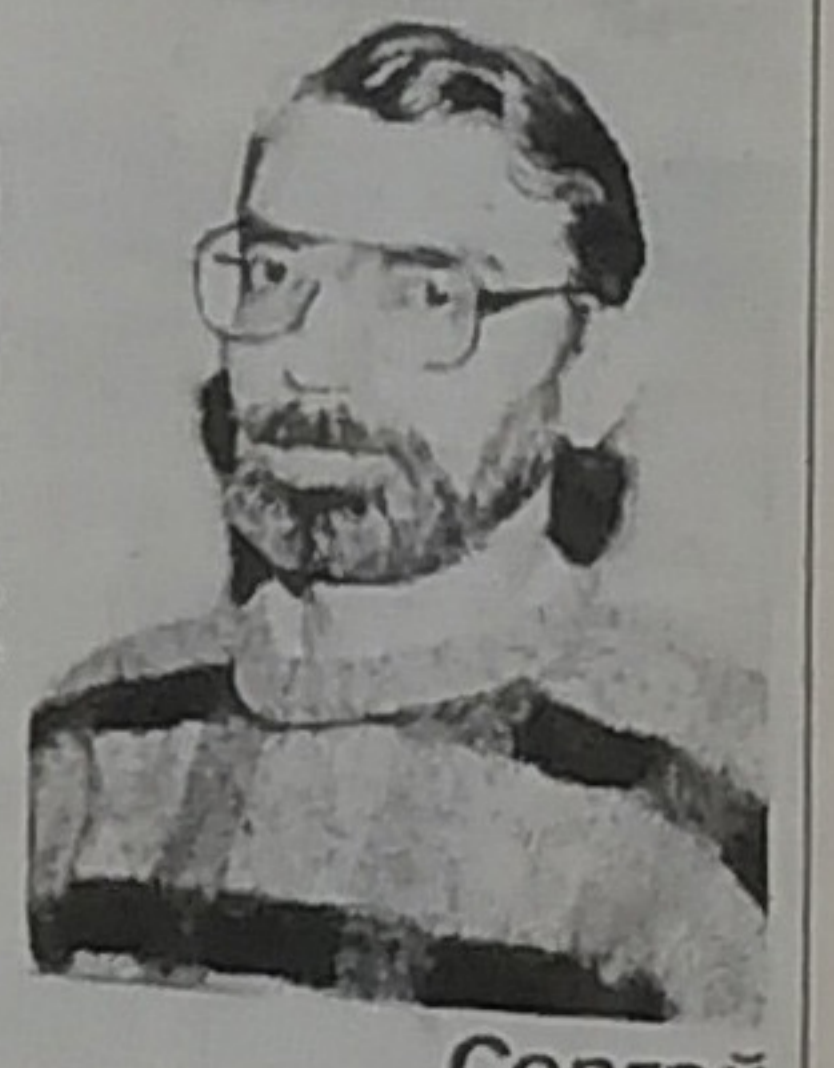
За два года до смерти он сказал: Уйду в луга, аукну в синеву. Она в травинке каждой отзовется. А мир вокруг - как сказка наяву, которая родной землей зовется. Эта вот земля, которую он воспевал, и приняла его. В день похорон, что пришелся на декабрь 1996-го, слабый накануне морозец сменился 30-градусной стужей. Природа как бы скорбила о своем певце, как бы старалась, чтобы час прощания с Мартиным запал поглубже в память его друзей, близким, знакомым. И мы - помним, в трудную минуту повторяя его же слова:

Я отрицать, что Бога нет, не буду
И, что он есть, не буду утверждать.
А верю в то - непознанное - чудо,
Которое сумела Жизнь нам дать.

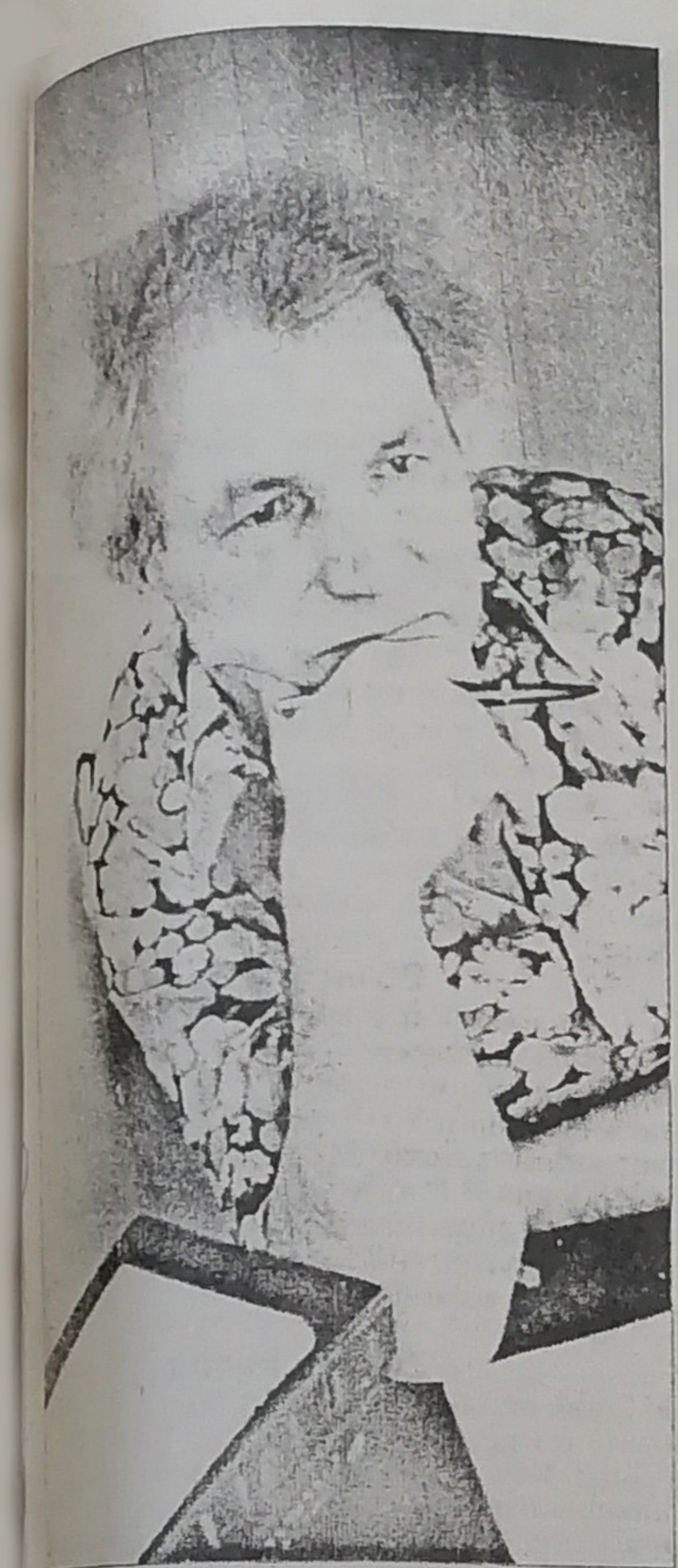
Покойся
с миром,
хороший
человек!..

На снимке:
Николай
МАРТИН.

Фото из
личного
архива
С.ГРУЩАНСКОГО.

Сергей
ГРУЩАНСКИЙ.

С Николаем Мартиным я познакомился в 1985 году. Случилось это в заочном порядке: через тетрадь с его стихами, которую он прислал в редакцию городской газеты. Было в ней восьмистишие, буквально “ухватившее” за сердце каждого, кто его читал:

Дремлют росы на дальней опушке,
Месяц росы пасет в высоте,
Но не спится сегодня кукушке,
Легкомысленной мать-сироте.
Ведь в ногах шелковистой березки,
Где струится веселый ручей,
Зацветают кукушкины слезки,
Как глаза позабытых детей.

Нехитрая, вроде, картина, но сколько трагизма и боли в словах, ее нарисовавших! По прочтении захотелось встретиться с автором, узнать о его жизни, творчестве. А когда встреча состоялась, я, пожалуй, впервые со всей очевидностью понял, насколько точно древняя мудрость, гласящая: “Не судьба делает человека, а человек - судьбу”.

То, что Мартин - инвалид первой группы, никак не отражено в его поэзии. Есть, правда, миниатюра, где в четырех строках сказано:

Мне так претит нытье калеки,
Которым лень найти заделья!
И потому я - человек,
Что не страдаю от безделья.

Но и тут, согласитесь, никоим образом не виден трагизм положения, в котором автор пребывал четверть века. Зато строчки эти для всех, кто знал Мартина, воспринимались, как его жизненное кредо. По нелепой случайности угодив под поезд и потеряв обе ноги, он, в отличие от собратьев по несчастью, не запил, не отпустился. Будучи прикованным к костылям да коляске - не впал в пессимизм, а постарался найти себя в поэзии. Кто-то проклинал планиду, а он - писал стихи, которые год от года становились лучше. Незадолго перед уходом в иной мир его бытовая программа пополнилась таким постулатом:

Порою жизнь прищучит, хоть запей...
Но я под кайфом градусов не млею
И крепко тем, что перед жизнью сей,
Как вол, ярму не подставляю шею.

Из девяти десятков стихов, которые Мартин включал в свои сборники, только пять-семь написаны в “доинвалидный период”. Но это не значит, что любовь к диффаманному слову пришла к нему в зрелые годы. Сочинять он стал мальчишкой, а дебют в печати состоялся, когда ему было всего-то четырнадцать. Свою странничку “отдала” ему газета Болотниковского района Новосибирской области. Там - в деревне Горбуновке - он родился. Там - в колхозе имени Чапаева - прошла его юность.

Малая Родина питала творчество Мартина под стать мифическому Кастальскому ключу. Сюжетов из сельского быта он облек в канву стиха столько, что кое-кто из друзей укорял его за узкотемье.